

Информаторы у торговцев всегда были лучшими в своем деле, а уж тем более, что Чэньша находился на территории этого торговца. Не успел он днем переселить Е Чжэна и его служанку Сяо Чжу во дворик по соседству, как уже вечером Цинь Фэн пригласил его на ужин.

Когда Чэньша только прибыл в поместье Цинь, он полагал, что человек такого статуса и влияния, как Цинь Фэн, должен обедать с вызывающей роскошью — по меньшей мере, чередуя изысканные деликатесы из гор и морей. Однако первый же домашний ужин с Главой союза Цанъянь поразил его своей скромностью. На столе стояли лишь три мясных блюда и две закуски из овощей. Порции были рассчитаны настолько точно, что после трапезы не осталось ни крошки. Как позже нашептала Шухуа, личные расходы Цинь Фэна всегда оставались на удивление малыми. Дело было не в скупости, а в привычке к бережливости, унаследованной от покойного старого господина Циня. Этому правила он придерживался долгие годы.

Место для сегодняшнего ужина выбрали то же, что и в прошлый раз — личный дворик Главы. Уютный и ухоженный, он идеально подходил для вечернего отдыха. Тихий ропот искусственного ручья под лунным светом и стрекот цикад создавали особую атмосферу. В свете зажженного фонаря Чэньша сидел подле Цинь Фэна, время от времени подливая ему вино и подкладывая лучшие кусочки в тарелку. Глава союза молчал, и Чэньша хранил безмолвие, не решаясь нарушить покой.

Обстановка располагала к доверительной беседе, но они продолжали есть в тишине. С того места, где сидел Чэньша, в неярких отблесках пламени черты лица Цинь Фэна казались резче и выразительнее. Воспользовавшись моментом, пока наполнял чарку, юноша еще раз внимательно присмотрелся к нему. Глава ни капли не походил на Фэн Вэньцяня, его прежнего босса — ни чертами лица, ни тем более внутренним настроением.

Мягким движением положив зелень в тарелку Главы, Чэньша втайне посмеялся над собственной фантазией. Его симпатия к Цинь Фэну объяснялась не только тем, что тот спас ему жизнь, но и тем, что Глава, подобно Вэньцяню, был человеком, стоящим на самой вершине делового мира.

Вновь осознав, что он окончательно исчез из прежней реальности, а всё его прошлое превратилось в мимолетный дым, Чэньша ощутил, как в груди разливается медленная, холодная боль. Но он не мог позволить этому чувству завладеть собой. Сделав неглубокий вдох, он скрыл мимолетную слабость, потянувшись за палочками. Заметив, что кубок Цинь Фэна снова пуст, он отложил приборы и взял изящный кувшин. Прохлада керамики коснулась пальцев, и чистое вино полилось в чашу, остановившись ровно на ширину пальца от края.

— В поместье мало людей со стихией воды. Раз уж Мянцзинь хочет признать тебя братом, постарайся поладить с ней. Ты здесь новичок, и её покровительство будет как нельзя кстати, — произнес Цинь Фэн, отпив глоток вина. Голос его звучал ровно, почти безразлично.

Чэньша послушно кивнул. Тема была удобной для продолжения беседы, и как подобает фавориту, ему следовало бы поддержать разговор с господином, но сейчас у него совсем не было настроения говорить.

— Чэньша, — Цинь Фэн повернул голову, глядя на юношу, чья аура напоминала спокойное море — глубокая, сдержанная и мягкая. Взгляд Главы был непроницаем, но Чэньша уже не мог отвести глаз. — Ты... — он начал фразу, но тут же умолк, не сводя с него взора.

«Неужели пришло время покупателю распорядиться своей собственностью?» — сердце Чэньша сжалось, рука невольно дрогнула, и палочки с сухим стуком ударились о край чашки. Звук отчетливо прорезал тишину ночи. Цинь Фэн перевел взгляд на его руки, а затем, сохраняя невозмутимость, протянул ему свой кубок, только что наполненный вином.

Пить из одной чаши означало, что его не собираются прогнать прямо сейчас. Чэньша немного успокоился. С тех пор как он очутился в этом мире, он ни разу не прикасался к спиртному: сначала из-за слабого здоровья Лю Ин запрещал ему даже нюхать вино, а позже он сам берёг восстанавливающийся голос. Впрочем, древние вина всегда вызывали у него любопытство. Раз уж Цинь Фэн сам предложил, Чэньша не стал церемониться и осушил кубок одним глотком.

Обжигающее чувство мгновенно пронеслось от желудка к самой голове. Чэньша и представить не мог, что вино, которое Цинь Фэн пил с таким невозмутимым видом, окажется настолько крепким! Всего одна чаша — и юноша, который в прошлой жизни мог перепить целую компанию и не поморщиться, почувствовал, как сознание плывет. Изящный фарфоровый кубок с золотой каймой выскользнул из его пальцев и с тонким звоном ударился оземь. Мир завертелся перед глазами, и он начал заваливаться набок.

— Чэньша?! — чей это голос... чьи объятия... чьё дыхание коснулось щеки?

«Вэньцянь... как мне повезло, я снова вижу тебя».

Изо всех сил вцепившись в воротник «Фэн Вэньцяня», Чэньша посмотрел на него затуманенным взглядом:

— Босс... я больше не смогу быть с тобой... присмотри за ребятами в лавке... прошу тебя, позаботься о них... А если вспомнишь иногда... поставь мне палочку благовоний... Пока ты помнишь Чу Сюаня... пока ещё... помнишь...

—... Чу Сюань?

Услышав это недоумение в голосе, Чэньша вспыхнул от гнева. Он резко рванул мужчину за ворот на себя. Обхватив «Фэн Вэньцяня» за шею, юноша оскалился в пьяной ухмылке:

— Босс... ты так быстро забыл... Смотри, я приду к тебе ночью во сне и напугаю до смерти...

— Чэньша... — он погладил его по лицу грубыми пальцами, и юноша ощутил странное, непривычное чувство... Голова становилась всё тяжелее, а веки — неподъемными.

Собрав остатки сил, Чэньша в последний раз крепко прижал «Фэн Вэньцяня» к себе и прошептал прямо на ухо слова, которые не успел сказать в прошлой жизни:

— Вэньцянь... помни, что в другом мире есть Чу Сюань... который продолжает тебя любить...

Желание исполнилось, горечь прошлого отступила. Чэньша медленно разжал руки и, посмотрев в эти глубокие, сияющие глаза с облегченной улыбкой, позволил тьме забрать себя.

Ночь пролетела незаметно.

Сонно перекатившись на бок, Чэньша уткнулся в чьи-то теплые объятия. Спать хотелось невыносимо... Он потерся щекой о мягкую ткань и, прижавшись теснее, решил продолжить сон.

— Чу Сюань?

— М-м... — найдя удобное положение, Чэньша пробормотал что-то невнятное и затих.

Тот, кто обнимал его, обреченно вздохнул, а затем, намеренно понизив голос, прошептал ему на самое ухо:

— Чэньша, пора вставать.

«Цинь... Цинь... Цинь Фэн?!»

Знакомый голос подействовал как ушат ледяной воды. Чэньша мгновенно протрезвел, спина покрылась холодным потом. Он смутно помнил, как вчера выпил вина, а потом... Кажется...

«Я еще сплю! Я просто еще не проснулся!» — отчаянно убеждал он себя, пытаясь зарыться лицом поглубже в грудь Цинь Фэна.

Тщетно. Великий Глава союза бесцеремонно сжал его шею, и в его голосе зазвучали насмешливые нотки:

— Дел сегодня немного, так что если хочешь валяться в постели — лежи. М-м?

Чэньша попытался вскочить, но его тут же прижали обратно. Цинь Фэн, пользуясь преимуществом в весе, придавил его так, что невозможно было пошевелиться, и глухо спросил:

— Кто такой Вэньцзянь?

Чэньша замер, перестав сопротивляться, но не проронил ни слова. Давление сверху стало ощутимее:

— А кто такой Чу Сюань?

Чэньша обмяк, и после долгого молчания едва слышно прошептал:

— Чэньша не помнит...

— Тогда кто ты?

— Я Чэньша. Только Чэньша. Ваша Пятая Звезда, Глава. Больше — никто.

Минувшей ночью к нему пришло окончательное прозрение: с прошлым всё кончено. Отныне в этой жизни он — только Чэньша, принадлежащий Цинь Фэну.

Цинь Фэн промолчал. Он похлопал юношу по голове и, не говоря больше ни слова, встал, чтобы одеться. Чэньша сел в постели, глядя на его силуэт в лучах утреннего солнца, а затем, не потрудившись собрать рассыпавшиеся волосы, босиком подошел к нему. Он услышал шаги за спиной, но не обернулся. Чэньша встал позади, глядя через его плечо в окно, где золотой свет заливал мир, ослепляя своей яркостью.

«Спасибо за доверие. И спасибо за то, что не спрашиваешь лишнего, Цинь Фэн. Чем я могу быть тебе полезен? Я докажу, что нужен тебе, только... прошу, не заставляй меня делать то, чего я не хочу».

— Умойся. Сегодня Мянцзинь остается в поместье, поучись у неё ведению дел, — бросил Цинь Фэн и вышел.

— Чэньша понял. Доброго пути, Глава.

Проводив его взглядом, юноша вернулся к кровати, чтобы одеться.

Вскоре вошли Хуаньхуа и Шухуа. Увидев его, Шухуа изумленно вскрикнула:

— Господин, почему вы уже... встали?

Чэньша обернулся. Рядом с ней стояла Хуаньхуа с тазом горячей воды и полотенцем, а сама Шухуа держала в руках небольшой сундучок... Устало покачав головой, Чэньша мягко

улыбнулся:

— Сегодня мне предстоит учиться у госпожи Мянъцинъ, нужно поспешить.

«Неужели им кажется странным, что Цинь Фэн не тронул меня ночью?» — подумал он. Любой делец понимает: товар должен сохранять безупречный вид до момента использования. Он, будучи главой торгового союза, знал правила этой игры лучше других.

Но он докажет Цинь Фэну, что оставить его при себе гораздо выгоднее, чем использовать как разменную монету. В этом он был уверен.

Через час Чэньша уже сидел в кабинете Мянъцинъ во «Дворе Вида на Реку». Она, расположившись за столом, отпила глоток свежесваренного чая и принялась перелистывать стопку бумаг.

— С чего вдруг Глава решил допустить тебя к делам? — спросила она, не отрываясь от документов. — Это тяжелый труд, а у тебя здоровье слабое. Зачем тебе это?

Служанка Мянъцинъ принесла стул, но Чэньша предпочел остаться стоять за спиной госпожи:

— Чэньша хочет разделить бремя Главы.

«И проложить себе путь в будущее», — добавил он про себя.

Мянъцинъ посмотрела на него и тихо вздохнула:

— Знаешь ли ты... Лю Ин несколько дней назад посетил место, где живет его наставник. Тщательно всё проверив, он отправил Главе донесение. Твоя амнезия — не следствие тяжелых травм. Тебя опоили тайным снадобьем под названием «Лишенный жизни». Оно начисто стирает прошлое, превращая человека в пустую оболочку без души. Как ты смог внезапно прийти в себя — даже Лю Ин не понимает.

Она сделала паузу, внимательно глядя на него.

— Это снадобье создал наставник Лю Ина — Старейшина Даньси. Всего было изготовлено десять флаконов. Три остались у него, а остальные семь попали в руки весьма непростых людей. Кто же напоил тебя этим ядом, Сяо Ша? Сейчас, под защитой Главы, ты в безопасности. Но как только ты начнешь вникать в его дела, тебе придется сопровождать его в поездках. Понимаешь ли ты, какой это риск?

Чэньша кивнул с легкой улыбкой. Хоть он только сейчас узнал, что его «потеря памяти» была не просто удобной ложью, а реальностью этого тела, именно осознание опасности подталкивало его доказать свою полезность.

Лучше действовать самому, чем покорно ждать конца. По крайней мере, он хотя бы попытается. Если он будет играть роль простого красавчика-фаворита, однажды Цинь Фэн, ведомый выгодой, может передать его тому самому страшному человеку, что лишил Фэя памяти. В сознании юноши остался лишь миг того злополучного дня, лица он не запомнил, но человек, способный достать один из семи редчайших флаконов яда, явно обладал огромной властью...

— Сяо Ша! — Мянъцинь повысила голос, заставив его вздрогнуть.

В её взгляде сквозила искренняя тревога, и Чэньше стало тепло на душе. Он улыбнулся:

— Сестра, я в поместье уже больше месяца. Я ничего не помню, но Глава и вы продолжаете заботиться обо мне. Я безмерно благодарен. Спасение моей жизни — долг, который я не могу вернуть словами. Я лишь хочу делом помочь Главе и облегчить его ношу.

После таких слов Мянъцинь не могла больше возражать. Она понимала: Цинь Фэн купил Чэньшу и сделал его Пятой «Звездой» явно с дальним прицелом. Если юноша станет полезным инструментом, он оставит его при себе.

Вернувшись к бумагам, Мянъцинь немного помолчала, а затем начала объяснять:

— Будь по-твоему. Слушай внимательно. Наш Глава союза заправляет всеми делами Цанъянь, и его собственное дело огромно. Я помогаю ему с торговлей тканями, одеждой, пудрой и благовониями. Начнем с этого, тебе будет проще освоиться.

Чэньша подошел ближе, вглядываясь в плотную стопку исписанных листов. Очевидно, это были бухгалтерские книги. В прошлой жизни он видел немало подобных у Фэн Вэньцяня, но от местных записей у него потемнело в глазах. Сложные иероглифы, к тому же записанные в полном беспорядке... Заметив выражение его лица, Мянъцинь шутливо щелкнула его по лбу:

— Что, уже надоело? Это всего лишь записи за прошлый месяц, а ты на первой же странице голову повесил. М-м?

Чэньша потер лоб, не зная, смеяться или плакать. Как можно сравнивать те аккуратные записи с арабскими цифрами и четким печатным шрифтом из его прошлого с этой грудой небрежных, путаных чернильных каракулей?

Мянъцинь строго нахмурилась, и Чэньша невольно отпрянул:

— Могу ли я взять уже проверенные записи с собой и изучить их внимательнее?

На этот раз она кивнула:

— Хорошо. Сначала привыкни к ним, так дело пойдет быстрее. — Она похлопала по соседнему стулу. — Садись, вкратце расскажу тебе основы нашего дела.

Мяньцзинь не зря считалась лучшей помощницей Цинь Фэна — она знала каждую тонкость своего направления. К концу утра Чэньша не стал экспертом, но, объединив свой прежний опыт с новыми знаниями об этом мире, понял, что вполне справится с ролью помощника. Она увлеченно объясняла, а Чэньша внимательно слушал. Быстро перекусив, они продолжили занятия.

Лишь когда луна вошла высоко над горизонтом, Чэньша вернулся к себе, но сон не шел к нему. Ведение учета товаров — дело внутреннее, и если записи будут такими запутанными, проверять их в будущем станет сущей мукой. Немного подумав, он решил поработать ночью и создать более наглядную систему.

Однако, собравшись взяться за перо, он обнаружил, что у него нет даже простейших инструментов для рисования таблиц. Он неловко кашлянул:

— Шухуа, не могла бы ты принести мне с кухни древесных углей? Нужны те, что хорошо прогорели, но не слишком ломкие. Возьми побольше, а если не справишься сама, попроси кого-нибудь из стражи помочь.

Шухуа удивилась странной просьбе, но Чэньша уже уткнулся в записи, всем видом показывая, что объяснений не будет. Ей оставалось только подчиниться. Пока Хуаньхуа растирала тушь, Чэньша продолжал изучать книги.

— И еще, Хуаньхуа, — обратился он к служанке, когда та почти закончила, — я немного проголодался. Принеси, пожалуйста, каких-нибудь сладостей.

Хуаньхуа кивнула и вышла. Чэньша огляделся, и его взгляд упал на длинное каменное пресс-папье. Он взял его, примерился — тяжеловато и неудобно, но в качестве линейки вполне сойдет.

Пока инструменты были в пути, он решил поупражняться в каллиграфии. Обмакнув кисть в густую тушь, он сосредоточился и вывел первые знаки. Увидев на бумаге ровные, изящные строки, он невольно улыбнулся.

Он вспомнил прочитанное когда-то: память человека неоднородна. Навыки хранятся отдельно от автобиографических воспоминаний. Даже если человек забывает свою жизнь, умения могут остаться с ним.

Месяц назад, когда Лю Ин учил его писать, Чэньша готовился к долгому и мучительному обучению, но, взяв кисть, обнаружил, что рука сама выводит безупречный устав. Это поразило даже его самого. Лю Ину осталось лишь дать пару советов, и Чэньша, который в прошлой жизни кисть в руках не держал, с легкостью справился с задачей.

Это была еще одна зацепка: прежний «Фэй» был не только сильным воином, но и образованным человеком. В этом обществе образование было роскошью, доступной немногим. Значит, Фэй не был просто «машиной для убийства» с пеленок; его воспитание было строгим и качественным.

Какую еще тайну скрывал этот юноша? Кто этот человек, превративший его в марионетку и бросивший в бордель? Если он узнает, что Чэньша пришел в себя, не захочет ли он довести дело до конца?

— Господин, прошу, угощайтесь, — Хуаньхуа принесла тарелку со сладостями, прервав его мысли. Чэньша отбросил сомнения, поблагодарил девушку и, вытерев руки полотенцем, потянулся к угощению.

Внезапно с резким хлопком прямо у его руки вспыхнул столб пламени. Чэньша и Хуаньхуа вздрогнули от испуга. Рука юноши дернулась, и пирожное упало на пол.

— Цинь... Глава союза? — сердце Чэньша бешено колотилось.

Он никак не ожидал увидеть здесь Цинь Фэна в такой час, да еще так напугавшего его, что он выронил еду... Пойдите, еда?!

Цинь Фэн стремительно вошел в комнату и вылил содержимое небольшого флакона на оставшиеся сладости. Это было снадобье, приготовленное Лю Ином для распознавания ядов — то, что пропускала серебряная игла, не могло укрыться от этой смеси. Мгновение — и нежно-желтые, аппетитные на вид пирожные покрылись уродливыми черно-красными пятнами. Хуаньхуа побледнела, тарелка выскользнула из её дрожащих рук и с грохотом разбилась, разбрасывая ядовитое месиво.

Глава остро взглянул на осколки и недовольно повернулся к Хуаньхуа:

— Я предупреждал тебя: следи за каждой крошкой, которую он берет в рот. Если бы Хуньюй не велел мне немедленно проверить его, что бы я сейчас делал над его трупом?!

Чэньша молча смотрел на испорченные сладости, погруженный в свои мысли. Хуаньхуа, осознав свою вину, упала на колени:

— Это моя оплошность... прошу Главу наказать меня.

— Господин, вот то, что вы... Глава?! Сестра?! — Шухуа ввалилась в комнату с охапкой углей и застыла на месте. Угли рассыпались по полу, и она тут же рухнула рядом с сестрой. — Глава союза, в чем бы ни была вина моей сестры, прошу, позвольте мне разделить наказание!

Цинь Фэн всё еще выглядел разгневанным. Чэньша сделал шаг вперед и низко поклонился:

— Глава, Хуаньхуа всегда была ко мне очень внимательна. Она только закончила растирать тушь, когда я сам попросил её принести сладостей. Должно быть, она просто устала и на миг потеряла бдительность. Прошу вас, умерьте гнев.

Цинь Фэн нахмурился, и он, казалось, стал еще более разгневанным. И то верно: он пришел на помощь в разгар ночи, а вместо благодарности получил заступничество за нерадивых служанок, будто он здесь — главный злодей.

Чэньша, будучи в прошлой жизни мастером по части психологии клиентов, тут же сменил тактику:

— Я безмерно благодарен Главе за спасение. Мой долг перед вами невозможно оплатить, но у меня возникла одна идея после сегодняшних уроков Мянцзинь. Именно за инструментами для неё я и посылал Шухуа. Если Глава не спешит отойти ко сну, не сочтите за труд — взгляните и направьте меня.

Цинь Фэн хмыкнул. Он прекрасно видел, что Чэньша просто пытается перевести тему и сгладить углы, чтобы спасти служанок. Хуаньхуа и Шухуа были верными помощницами, а сегодняшний случай был внезапным, и благодаря предчувствию Хунъюя беды удалось избежать. Раз уж Чэньша так просил за них, Глава решил не упорствовать и жестом велел девушкам выйти.

Чэньша облегченно выдохнул, и лишь тогда осознал, насколько близко была смерть. Покушения начались так быстро... Если бы не защита Цинь Фэна, его новая жизнь закончилась бы, не успев начаться.

Он тяжело положил ладонь ему на голову, и Чэньша встретился с взглядом Цинь Фэна, полным неприкрытой заботы. Он благодарно улыбнулся и, взяв кусок ткани, чтобы не испачкаться, поднял один из углей.

— Глава союза, прошу, взгляните.

Он расстелил на столе чистый лист бумаги и принялся быстро чертить линии угольком, используя тяжелое пресс-папье вместо линейки. Работа требовала усилий, и вскоре нижняя рубашка юноши взмокла от пота.

Уголь был твердым, линия выходила неровной, но это было куда быстрее и точнее, чем

пытаться вывести прямую кистью. Спустя время, отведенное на горение половины палочки благовоний, Чэньша закончил чертить таблицу и начал аккуратно вписывать в неё данные из книг.

Цинь Фэн молча наблюдал за его работой. Несмотря на то что он видел подобное впервые, его острый ум быстро уловил суть. Когда Чэньша поставил последнюю точку, его руки были черны от копоти. Он внимательно просмотрел результат, отер пот со лба и удовлетворенно выдохнул:

— Глава, я закончил.

<http://bllate.org/book/17524/1692735>